

СЕМЕН ЛЮБОШ

ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ

Русская история (Алгоритм)

Семен Любош

Последние Романовы

«Алисторус»

1924

УДК 929.2Романовы
ББК 63.214стд1-1

Любош С.

Последние Романовы / С. Любош — «Алисторус»,
1924 — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-686-4

Семен Любош (1859–1926) – псевдоним Семена Борисовича Любошица. Он был настоящим королем российской журналистики. Талантливый писатель, знаток истории России и истории искусства, он создал самую увлекательную хронику последних Романовых – летопись побед и распада Российской империи, которая оказалась колоссом на глиняных ногах. Никто не писал об императорах и великих князьях, об их женах и воспитателях так увлекательно и честно. Любошу удалось открыть логику истории. Яркие портреты, головокружительные сюжеты, сенсационные и точные выводы – стиль этой книги. Оказывается, об истории можно писать одновременно и мудро, и остроумно, и не скучно. И – честно! Поскольку Любош писал не по заказу. Если хотите знать, кто такие Романовы на самом деле – читайте Семена Любоша.

УДК 929.2Романовы
ББК 63.214стд1-1

ISBN 978-5-00269-686-4

© Любош С., 1924
© Алисторус, 1924

Содержание

Александр I	6
1. Юность	6
2. Венценосный декабрист	11
3. Легенда о безволии	15
4. Самодержавная воля	20
5. Еще доказательства воли	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Семен Любош

Последние Романовы

* * *

© ООО «Издательство Родина», 2026

Александр I

1. Юность

В начале марта 1801 года стояли в Петербурге пасмурные промозглые дни холодной и немощной северной весны. Но 12-го, в день весеннего равноденствия, ярко засияло вешнее солнце над столицей и совпало это со светлой радостью, охватившей население. В ночь с 11-го на 12-ое не стало императора Павла. Столица сразу стала неузнаваема. Вновь появились запретные круглые шляпы и столь же запретные панталоны и фраки, помчались по улицам экипажи с русской упряжью, громко зазвучали запретные слова, исчезли ужасы взбесившегося от перепуга самодержавия, и подобострастный «певец Фелицы» возвестил:

*Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд,*

за что он получил жестокий нагоняй от генерал-прокурора Беклешева – и бриллиантовый перстень от царя. Новому царю не было еще 24 лет. Это был молодой человек, роста выше среднего, немного сутулый, рыжеватый блондин с улыбкой на прекрасно очерченных устах и с печальными глазами. Во внешности этого любимого внука Екатерины возродились чары этой величайшей актрисы своего рода. Юным императором восхищались даже мужчины, а женщины готовы были обожать венценосного красавца. /5/

Герб Романовых

Злая эпиграмма Пушкина «перед бюстом А.П.» относится к периоду более позднему.

*Напрасно видят тут ошибку,
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Не даром лик сей двязычен,
Таков и был сей властелин
К противочувствиям привычен,
В лице и жизни арлекин.*

Стихи эти написаны Пушкиным на Кавказе в 1829 г., т. е. после смерти Александра. Но тогда, в 1801 году, после кошмарного четырехлетнего беснования несчастного Павла, воцарение любимца Екатерины вызвало бурный взрыв ликования. Впрочем, размах этих ликований не следует преувеличивать. Вершина этой радости была в Петербурге. Свободно вздохнули придворные сферы, гвардия, армия, высшее чиновничество, все те, кто давали тон обычной

жизни. Трудно установить теперь, насколько эти дворянские восторги захватили низы, даже в столицах, а там, «во глубине России», там «народ безмолвствовал», да и не имел особых причин радоваться. Для широких масс, для глубокой толщи народной безумный Павел был нисколько не хуже, не злореднее, а в иных отношениях и лучше других «умных» владык, и даже таких умных, как Екатерина.

Итак, великое ликование, которым встречено было убийство Павла и воцарение Александра, охватило весьма ограниченный круг, т. е. высшее дворянство и чиновничество.

Радость была вдвойне велика: и оттого, что избавились от пароксизмов бешенства безумного человека, у которого в руках было такое страшное оружие, как неограниченная самодержавная царская власть, и оттого, что на престол вступил «молодой энтузиаст», «друг волюности», воспитанник «якобинца и республиканца» /6/ Лагарпа. От ужасов самодержавного безумия, сеявшего страх и трепет, вдруг перешли к светлым предвкушениям «дней Александровых прекрасного начала».

Александр Павлович, подобно всем русским царям, не получил никакого серьезного образования. Если б у него и была к этому склонность, он бы просто не успел. Екатерина, благополучно убившая своего ненавистного мужа и ненавидевшая прижитого ею при нем сына, отобрала от него своего старшего внука и сама занималась с ним, поручив его воспитание «якобинцу Лагарпу».

Но когда Александру было 15 лет, бабушка поспешила женить этого 15-летнего мальчика на 14-летней девочке, дочери маркграфа баден-дурлахского, Луизе-Марии Августе, переименованной в Елизавету Алексеевну. Этот ранний брак нужен был Екатерине и для того, чтобы уберечь юношу от соблазнов слишком ей знакомого дворцового разврата, и для того, чтобы еще больше оторвать своего любимого внука от отца. Она тогда уже задумывала передать престол внуку, обойдя отца.

После женитьбы уже стало совсем не до учения, и образование Александра считалось законченным.

Само посвящение 15-летнего мальчика в мужчину и супруга совершилось с необычайным цинизмом, вполне в стиле той порнокрапии, которая царствовала при блистательном дворе 64-летней венценосной блудницы, столь гениально игравшей роль «северной Семирамиды».

В Гатчине, где проживал опальный наследник-цесаревич Павел, царствовала та беспощадная парадомания, та мучительская игра в солдатики, ярким представителем которой, вслед за самим Павлом, был Аракчеев, собственноручно вырывавший у гренадеров за малейшую оплошность усы вместе с мясом. Там проходил свою военную службу и Александр, метавшийся между суровой гатчинской кордегардией и раззолоченной вакханалией двора Екатерины.

Б. вел. кн. Николай Михайлович в своем биографическом очерке, говоря о графине Анне Степановне Протасовой, любимой фрейлине Екатерины, о скверной репутации этой сварливой, мелочно-тщеславной и безобразной женщины, приводит строфы из стихотворного памфлета на двор Екатерины итальянского поэта Джамбатиста Касти, который вкладывает в уста фаворитки императрицы следующее признание:

«Я обыкновенно предварительно испытываю кандидата в фавориты, чтобы узнать, соединяется ли в нем с представительностью существенное достоинство его, и никто не получает этой должности, если он перед этим не был испытан и одобрен мною».

Байрон в «Дон-Жуане» прямо говорит о «miss Protassoff», исполнявшей при Екатерине «mistic office» с титулом «l'eprouveuse». Но нравы высшего дворянства и знати были таковы, что перед этой женщиной все заискивали и даже молодые придворные ухаживали за этой дурнушкой. Но этого мало. Протасовой уже после смерти Екатерины писали любезные письма и

Павел, и Александр, уже будучи императором, и в постоянной дружеской переписке с нею были и скромная императрица Елизавета Алексеевна, и вдовствующая императрица Мария Федоровна (жена Павла), хотя обе эти женщины отличались чистотою и пристойностью, И любимая сестра Александра, Екатерина Павловна, и младшая сестра, к которой безуспешно сватался впоследствии Наполеон, Анна Павловна.

Очевидно, наш командующий класс не только не находил ничего зазорного в должности этой екатерининской фрейлины, но даже видел в ее функции нечто почетное. Впрочем, тот же командующий класс не находил ничего зазорного ни в самом беззастенчивом казнокрадстве, ни в воровстве и грабительстве.

Восторг, вызванный убийством Павла и воцарением Александра, объясняется не тем только, что Павел поражал безумным деспотизмом, а Александр питал «вольнлюбивые» мечты. Даже не исключительно тем объясняется эта радость, что обезумевший самодержец стал опасен для окружающих. Помимо этого были причины более глубокие и более основательные. Павел угрожал вольностям дворянства и своим запрещением торговли с Англией нарушал экономические интересы командующего класса.

В Англию вывозили наше сырье, в чем был прямо заинтересован наш землевладельческий класс. Своей промышленности у нас не было, и купцы торговали изделиями английской промышленности, а распоряжения Павла били и купцов, и наших владельцев сырья, т. е. помещиков, по карману.

Легенда о непричастности или малой причастности Александра к трагедии, разыгравшейся в ночь с 11 на 12 марта в Михайловском замке, теперь, после исторического исследования Николая Михайловича, совершенно отпала.

Пользовавшийся исключительным доверием императора Павла и осыпанный его милостями, петербургский генерал-губернатор фон дер Пален получил на предмет устранения Павла разрешение от Александра «действовать по своему усмотрению».

«Что это означало?» – спрашивает в своей книге великий князь Николай Михайлович. «Да просто согласие наследника на исполнение заговора. Заговор был решен, началась серия жутких дней, потому что без ведома Александра Пален действовать не собирался. Нагляднейшим примером их отношений служит следующий эпизод... Ночное наступление на Михайловский замок было решено предварительно в ночь с 9 на 10 марта. Когда о сем было доложено Александру, он заметил Палену, что 9 марта было бы рискованно действовать, ибо в дворцовом карауле находятся преданные государю преображенцы, а что с 11 на 12 марта будет там по очереди караул от 3-го батальона семеновцев, за преданность которых ему, Александру, он ручается... Пален не сразу согласился отложить назначенное предприятие... Но Александр стоял на своем, и Пален, признав доводы основательными, согласился отложить злополучное дело до ночи 11 марта»...

Затем автор приходит к определенному заключению, что Александр «знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а напротив того, дал свое обдуманное согласие».

«Ведь трудно допустить следующее предположение, продолжает автор, а именно что Александр, дав согласие действовать, мог сомневаться, что жизни отца /9/ грозит опасность. Характер батюшки был прекрасно известен сыну, и вероятие на подписание отречения без бурной сцены или проблесков самозащиты вряд ли допустимо».

Вообще, историческая легенда о незначительной или слабой, почти несознательной причастности Александра к убийству отца совершенно рассеивается после опубликованных исследований, основанных на недоступных обыкновенным смертным документах добросовестного и осторожного историка, который сам принадлежал к семье Романовых. И при свете раскрытых великим князем Николаем Михайловичем фактов меркнет верноподданническая легенда о личности «благословенного» и сама личность «сфинкса, неразгаданного до гроба», стано-

вится менее загадочной и более постижимой в ее «человеческих, слишком человеческих слабостях...»

2. Венценосный декабрист

Яркая вспышка позднего Ренессанса, охватившего, наконец, и область правовых отношений, получившая в истории название Великой французской революции, озарила в конце XVIII века весь культурный мир. Могучее веяние освободительных идей носилось над странами и народами и не могло не коснуться и России – России послепетровской, России времен Екатерины.

Екатерина не совсем облыжно называла себя последовательницей самого яркого представителя русского Возрождения – Петра Великого. Эта величайшая актриса своего времени, изумительно, хотя и невыдержанно сыгравшая свою роль, сама была вдохнута духом Возрождения и, воспитывая своего любимого внука, сочиняя для него сказки и учебники, лично преподавая ему историю и поручив его влиянию Лагарпа, и его приобщила к тому духу, который впоследствии воодушевлял декабристов.

Александр в первые годы своего царствования очень обидел дворянское классовое чувство именным указом от 20 февраля 1803 года «об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных». А указом от 18 октября 1804 года опять были оскорблены дворяне до глубины своей классовой души разрешением купцам, получившим классные чины до VIII включительно, владеть крестьянами.

Александр I

На практике ничего из всего этого не вышло. Распоряжения Павла о трехдневной барщине и о воскресном отдыхе помещики просто не исполняли, а указы Александра о вольных хлебопашцах и добровольных соглашениях помещиков с крестьянами не имели почти никаких практических последствий и только напрасно вызвали к нему некоторое охлаждение дворянских чувств.

Еще будучи наследником Александр посылает к Лагарпу Новосильцева «с единственной целью повидать вас и спросить ваших советов и указаний в деле чрезвычайной важности об обеспечении блага России при условии введения в ней свободной конституции».

Далее наследник самодержавного русского царя успокаивает старого республиканца и «якобинца», чтобы тот не убоился бездны царственного либерализма:

«Не уstraшайтесь теми опасностями, к которым может привести подобная попытка; способ, которым мы хотим осуществить ее, значительно устраняет их».

Какой же это способ?

Он изложен в том же письме:

«Вам уже известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется; что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и страна избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль.

Я поделился ею с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас только четыре, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Чарторыжский, мой адъютант, выдающийся молодой человек, и я».

Письмо это от 27 сентября 1797 года, между прочим, указывает на тот состав «негласного комитета» или, как шутливо называл его по яacobинской терминологии Александр, – «комитета общественного спасения», который возбуждал столько надежд в первые годы царствования «самодержавного конституционалиста».

Еще более ярко, чем письмо к Лагарпу, письмо Александра, написанное им 10 мая 1796 года Виктору Павловичу Кочубею, к которому Александр питал, по его собственному выражению, «беспредельную дружбу».

«Да, милый друг», – пишет Александр, – «повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед теми, кого боятся».

«В наших делах», – пишет он далее, – «господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя лишь стремится в расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления; это свыше сил не только человека, одаренного, подобно мне обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнить его дурно. Следуя этому правилу, я и принял то решение, о котором сказал вам выше. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

Александр даже сознает фантастичность или неправдоподобность этого плана:

«Вы будете смеяться надо мною и скажете, что это намерение несбыточное, это в вашей власти, но подождите исполнения и уже тогда произносите приговор».

Это письмо не единственное свидетельство чувств Александра в то время. Такие высказывания Александра принимаются за доказательства «противочувствий», за рисовку, за лицемерие. Да, Александр любил играть роль, любил порисоваться. Недаром же он рос в атмосфере такой вечной театральности, как двор Екатерины, с одной стороны, и гатчинская мрачно-трагическая игра в солдатики – с другой. Но все же в те минуты, когда он изливал свои чувства, он был более или менее искренен, т. е. сам почти, а то и вполне верил в них.

3. Легенда о безволии

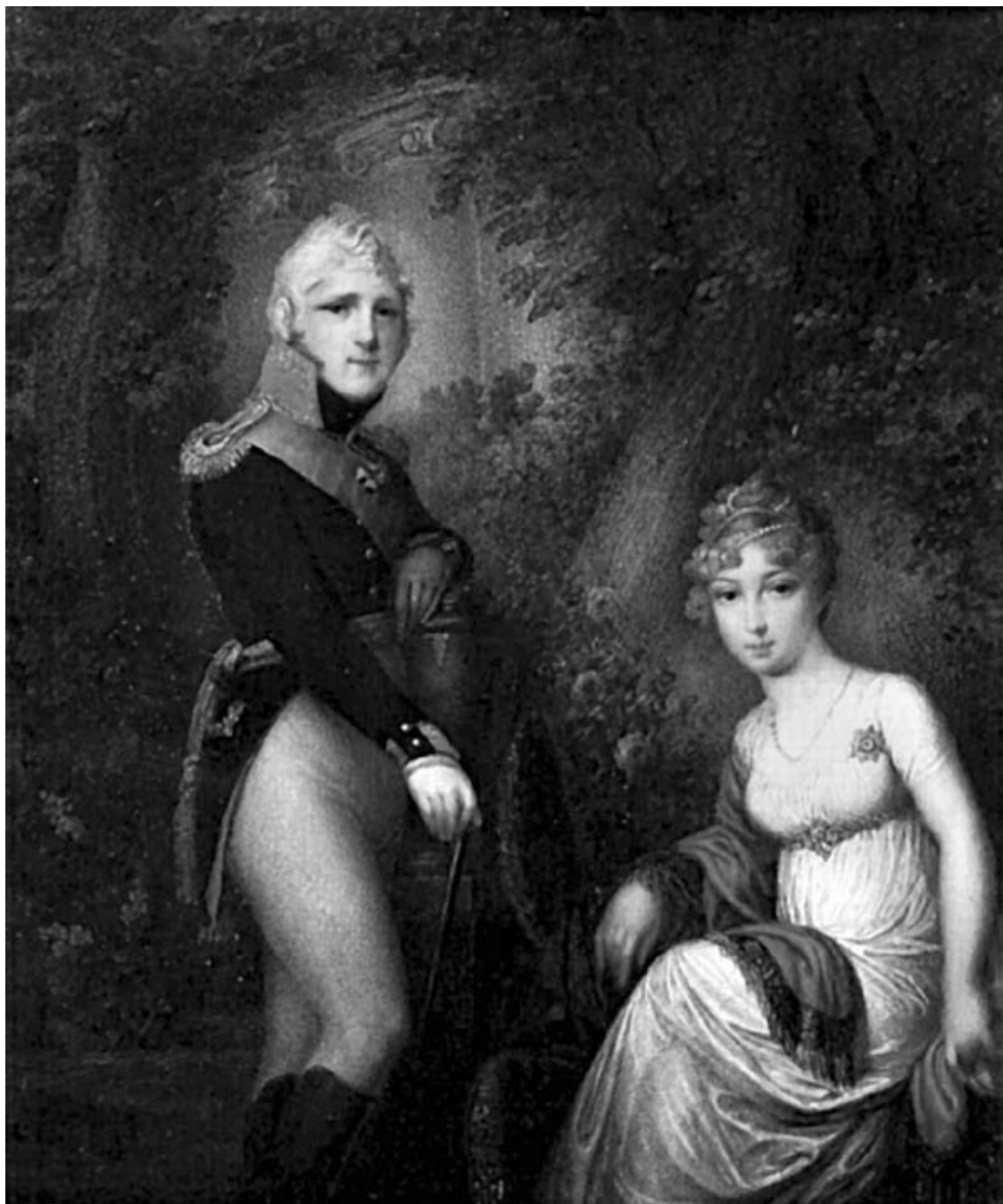
Немало разрушено легенд, затемнявших подлинный лик Александра I, но одна из них держится особенно упорно и даже усиливается с течением времени.

Эта упорно живущая легенда уверенность в безволии Александра.

Схема такая. Был человек недюжинного ума, пылкого воображения и ярких вспышек чувства, но не было у него сильной воли, и это совершенно исковеркало и его жизнь, и его царствование, и всю творимую им историю.

Чувствительный воспитанник Лагарпа, мечтавший о даче на Рейне, человек, обвеянный идеями Руссо и духом Великой французской революции, и неразлучный друг Аракчеева. И эта неразрывная, пережившая все испытания бурного царствования дружба не явление последних печальных и мрачных лет этого царствования. Эта дружба была крепка уже тогда, в бытность Александра наследником, в те годы, когда даже Павел не вынес тупой жестокости этого «истинно-русского неученого дворянина», как нарочито величал себя Аракчеев.

Когда Аракчеев нагло сподличал, чтобы выгородить своего родного брата, и пытался подвести под опасный гнев Павла человека неповинного, Павел его прогнал, а Александр письменно изливался в своей любви к нему.

Императорская чета

Это была уже вторая опала Аракчеева при Павле. Первая произошла по следующему поводу:

В январе 1798 года Аракчеев накинулся на подполковника Лена и по своему обыкновению обругал его «самыми позорнейшими словами».

Обруганный молча выслушал брань Аракчеева, отправился домой, написал письмо Аракчееву и застрелился.

Лен был сподвижником Суворова и георгиевским кавалером. Кроме того, он был лично известен Павлу, рекомендованный ему графом Румянцевым-Задунайским. Смерть храброго боевого офицера по вине Аракчеева, который никогда ни в каких боях личного участия не принимал и считался трусом, наделала много шума. Дошло до Павла, тот потребовал письмо

Лена, а тут еще Павел узнал, что Аракчеев в строю осыпал ругательствами преобращенцев и, обходя ряды, колотил кого попало ударами своей трости.

Аракчеев был отставлен от службы, впрочем, с производством в генерал-лейтенанты, и уехал в свое Грузино.

Это было в начале февраля 1798 г., а 7 мая того же года, во время поездки Павла с сыновьями в Москву, Александр из Валдая написал Аракчееву письмо, полное уверений в «верной дружбе» и любви. А в конце июня наследник уже с радостью сообщает Аракчееву весть о вызове его из Грузина в Петербург.

К общему ужасу Аракчеев вернулся к прежней службе и был осыпан наградами.

Но в следующем, 1799 году Аракчеев опять попался на прямом и гнусном обмане царя и вторично подвергся опале.

1 октября на вахт-параде распространилась радостная весть об отставке Аракчеева. На плацу был и Александр: он подошел к генерал-майору П. А. Тучкову со словами:

– А слышал ты об Аракчееве и знаешь, кто вместо него назначен?

– Знаю, Ваше Высочество, Образанцев.

– Каков он?

– Он пожилой человек, может быть, не так знает фронтовую часть, но говорят, добрый и честный человек.

– Ну, слава богу, – отвечал Александр, – эти назначения настоящая лотерея: могли бы попасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев.

А 15-го того же октября Александр написал этому «мерзавцу» письмо, в котором говорит:

«Я надеюсь, друг мой, что мне нужды нет при сем несчастном случае возобновить уверение в моей непрестанной дружбе; ты имел довольно опытов об оной, и я уверен, что об ней и не сомневаешься. Поверь, что она никогда не переменится».

Дальше идут сообщения о деле Аракчеева, и в заключение:

«Прощай, друг мой, Алексей Андреевич! Не забывай меня, будь здоров и думай, что у тебя верный во мне друг остается».

И действительно, этой «непрестанной» дружбе Александр остался верен до гроба.

Характерно то, что возникновение этой неизменной дружбы к «мерзавцу» относится к юношеским годам Александра, ко времени его возвышеннейшего идеализма, и затем уже, при всех перипетиях бурного царствования и при всех переменах в судьбе и в личности Александра, дружба эта одна сохранила всю свою незыблемость. Не было даже таких временных размолвок, как при Павле...

Чем объяснить это загадочное явление? Самое простое объяснение – в безволии Александра. Капрал с такой неукоснительной волей, как Аракчеев, этот прямолинейный, ни перед чем не задумывавшийся и ни перед чем не останавливавшийся щедринский «прохвост» Угрюм-Бурчеев, подчинил себе слабовольного щедринского Грустилова и совершенно поработил его волю.

Объяснение это соблазнительно своей простотой, но в самой этой простоте кроется соблазн ошибки.

Не было, кажется, на Руси человека более ненавистного, чем Аракчеев. Его ненавидели солдаты, ненавидели крестьяне, которых он терзал в своих военных поселениях, ненавидело офицерство, дворянство, ненавидели самые влиятельные придворные и сановники, ненавидели ближайшие друзья Александра.

И сквозь всю эту страшную ненависть сумел Александр, в течение всех почти трех десятилетий своей сознательной жизни, пронести эту дружбу с гатчинским капралом, грубым,

лишенным и тени какого-либо благородства. Этой дружбе не помешала такому эстету, каким был Александр, даже отталкивающая внешность Аракчеева.

«По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худошав, жилист; в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил и мышц. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший. Чтобы дорисовать его портрет – у него были серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и злости».

Мог ли Александр удалить Аракчеева, если б захотел? Конечно, мог. Кроме общего сочувствия, радости и благодарности сановников, армии, высшего дворянства и тех масс, которые могли бы на это реагировать, Александр бы ничего не встретил.

Сам же Аракчеев, лишенный царского покровительства, был нисколько не страшен. Как все жестокие люди, Аракчеев был большой трус, или, как все трусы, он был жесток, пока чувствовал за собою силу. Но при малейшей опале он впадал в малодушие и унижение.

Александр же был, во-первых, далеко не труслив, во-вторых, при кажущемся безволии умел бывать и весьма решительным.

Граф фон-дер-Пален был не чета гатчинскому капралу. Это был человек смелый, решительный и гордый, притом образованный и знатный. В должности военного генерал-губернатора он имел в своем распоряжении петербургский гарнизон, который питал к нему не такие чувства, какие питала армия и в особенности гвардия к Аракчееву. Положение Александра в начале царствования было еще довольно двусмысленно и щекотливо. Среди шумного ликования было не мало недовольных /18/ новым курсом. Наконец, известно, какую решающую, исключительную роль сыграла энергия Палена в деле убийства Павла и возведения на престол Александра.

И вот, задумав отделаться от Палена, который держал себя слишком независимо, Александр, всего месяца через три после вступления на престол, издал такой указ:

«Снисходя на всеподданнейшее прошение генерала-от-кавалерии, Санкт-Петербургского военного губернатора и управляющего гражданской частью в Санкт-Петербургской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях графа фон-дер-Палена, всемилостивейше увольняем его, за болезнью, от всех дел».

В действительности же дело было так. Когда Пален подъехал к Зимнему дворцу, его встретил флигель-адъютант с приказанием императора Александра немедленно оставить Петербург и удалиться в свои курляндские поместья.

Так решительно, одним ударом, покончил «безвольный» Александр с грозным временщиком, которого называли «ливонским великим визирем».

Это проявление воли молодого царя тогда прошло как-то не замеченным. Вигель в своих записках объясняет это так:

«Сей первый пример искусства и решимости нового государя, боготворимого и угрожаемого в одно время, и кого положение было не без затруднений, мог бы удивить и при Павле, когда такие известия почитали самыми обыкновенными. Но Москва и Россия утопали тогда в веселии; сие важное происшествие едва было замечено людьми, еще хмельными от радости».

До того ли было, чтобы замечать такие проявления характера, когда вдруг можно было носить круглые шляпы, фраки и панталоны, а каждый день приносил новые примеры «свободомыслия» Александра, а восторженные оды, в стихах и в прозе, сыпались дождем.

Когда военный губернатор, в интересах военной выправки, осведомился, не прикажет ли государь сделать распоряжение относительно одежды офицеров, Александр ответил:

– Ах, боже мой! Пусть они ходят, как хотят; мне легче будет распознать порядочного человека от дряни.

Трощинский представил к подписанию милостивый манифест, начинавшийся как обычно: «По сродному нам к верноподданным нашим милосердию...», Александр зачеркнул эти слова, заметив:

– Пусть народ это думает и говорит, а не нам этим хвастаться.

Когда в другой раз тот же Трощинский принес указ Сенату с обычным началом: «Указ нашему Сенату», Александр возразил.

– Как, – сказал он, – «нашему Сенату»? Сенат есть священное хранилище законов; он учрежден, что бы нас просвещать. Сенат не наш, он Сенат империи. – И с того времени стали писать: «Правительствующий Сенат».

Через сто с лишком лет после этого Николай II, на петергофских совещаниях предлагал, чтобы Дума называлась не государственной, а государевой...

4. Самодержавная воля

Легенда о безволии Александра до того укоренилась, что проницательный Герцен назвал его «коронованным Гамлетом», а в дальнейшем даже подставили под эту легенду научный фундамент в форме психиатрического анализа личности Александра.

Профессор Н. Н. Фирсов в своем историко-психологическом этюде «Император Александр и его душевная драма» говорит по поводу отношения юного Александра к Чарторыжскому и к Польше:

«Молодой человек, так легко подпавший под влияние своих эмоций, разумеется, не был обладателем устойчивой, крепкой воли; а волевая слабость Александра постоянно вела его к подчинению тому или другому влиянию, вызывавшему, обыкновенно, в нем сильное душевное движение и увлекавшему его к соответственным поступкам... Нередко в этих поступках Александр противоречил сам себе, что навлекло на него обвинение в двуличности, в рассчитанном вероломстве, тогда как это противоречие обуславливалось слишком порывистой впечатлительностью и недостатком воли. Это основные черты характера Александра I», – уверяет автор.

Проф. Сикорский, тот самый, который столь неизгладимо скомпрометировал себя своей щегловитовской экспертизой в деле Бейлиса, посвятил в «Вопросах нервно-психиатрической медицины» специальное исследование личности Александра I.

Проф. Сикорский находит у Александра болезненно недоразвитый характер в волевом отношении, при удовлетворительном развитии ума и чувств.

«Подобный характер», – говорит специалист-психиатр, – «остается без особенных последствий в некоторых профессиях, в особенности в профессиях умственного труда (ученые, художники, артисты). Но в тех профессиях, где требуется практическая деятельность, в особенности там, где необходимо влияние на людей, управление массами, где предстоит выбор и смена сотрудников, словом, в сфере политической и административной, люди с недоразвитой волей часто оказываются бессильными и бездеятельными. Для неограниченного монарха подобный характер является роковым, служа соблазном для простора и смелости временщиков».

«Таким характером отличался император Александр I».

«Александр I был натура, одаренная тонким художественным развитием чувств при среднем уме и слабой воле. В этом особенном состоянии душевных сил, в этой психической односторонности и несоизмеримости кроется разгадка всех противоположностей и неожиданностей, которыми переполнена была жизнь этого глубоко симпатичного и столь же несчастного человека».

И далее:

«Слабость воли и преобладание чувства, – этот роковой порок души сказывался более всего при встрече личности Александра с другими».

При таких свойствах своего характера Александр I не только не мог отстоять своих принципов, но был бессильен защищать свою собственную личность от нравственного порабощения грубых и сильных людей, лишенных того тонкого понимания и чутья истины, каким обладал император. Фанатический узкий ум Фотия и грубая практическая душа Аракчеева овладели Александром и подчинили его себе».

Все эти заключения проф. Сикорского, может быть, и очень интересны, но в них есть один существенный недостаток: они находятся в явном противоречии с фактами.

И притом, не с какими-нибудь неизвестными или спорными фактами, а с теми фактами, которые незыблемо установлены и всеми историками, исследовавшими личность и эпоху Александра I, и всеми многочисленными опубликованными записками, письмами, воспоминаниями и свидетельствами современников Александра I.

Легенда о безволии Александра I стала почти общим местом, и проф. Сикорский только подводит мнимо-научный фундамент под это общее место.

Между тем, нет ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что Александр действовал под влиянием чужой воли и был какой-нибудь чужой волей поработен.

Мы видели уже, как круто и смело расправился он с таким властным временщиком, как фон-дер-Пален. Правда, иные думали, что тут сыграли решающую роль неприязнь вдовствующей императрицы Марии Федоровны к фон-дер-Палену и происшедшее между ними столкновение из-за какой-то иконы, которую Мария Федоровна распорядилась повесить в воспитательном доме, а Пален велел снять. Но мы знаем, как ловко и вместе твердо Александр сумел устранить свою мать от всякого влияния на дела управления.

Он самым почтительным образом удовлетворял ее тщеславию, предоставил ей весь блеск придворной жизни, но отлично знал, что после смерти Павла она возмечтала было о роли Екатерины II и не прочь была возложить окровавленную корону на свою голову, и, с присущей ему дипломатической ловкостью, сумел ее поставить в такие рамки, которые не давали ни малейшего исхода ее властолюбию.

С молодыми друзьями своего негласного комитета, которые были образованнее его, он держался на дружескую ногу, был с ними обольстительно любезен, внимательно выслушивал их либеральные излияния, сам перед ними изливался, делил их мечты, но как только дело доходило до каких-либо попыток осуществления этих мечтаний, Александр отмалчивался, становился непроницаемым и неукоснительно вел свою линию.

Ни Чарторийский, ни Новосильцев, ни Кочубей не добились, в конце концов, ничего и никакого действительного влияния ни на внешнюю, ни на внутреннюю политику Александра не оказали.

Между прочим, Чарторийский сообщает интересный эпизод, удивительно напоминающий такого же рода эпизод, о котором Бисмарк рассказывает в своих мемуарах о Вильгельме.

Еще в ноябре 1887 года, когда был жив не только отец Вильгельма, кронпринц Фридрих, но еще царствовал дед, молодой Вильгельм сочинил воззвание, которое он составил «ввиду возможности близкой или неожиданной смерти императора и моего отца. Это краткий манифест моим будущим коллегам, германским имперским князьям».

«Моя мысль и мое желание», – писал Бисмарку юный Вильгельм, – «заключаются в том, чтобы это воззвание после рассмотрения, а в случае надобности и изменения вашей светлостью, было в запечатанном пакете депонировано в каждом посольстве и немедленно по вступлении моем в управление государством было передано послами соответствующим князьям».

Бисмарк, естественно, пришел в ужас от этого послания и, совершенно больной, поспешил в обстоятельном письме почтительно, но твердо указать чересчур торопливому юноше на все неприличие и бестактность этой торопливости и настоятельно советовал Вильгельму сжечь свое воззвание.

Князь Адам Чарторийский рассказывает, что еще во время коронации Павла в Москве Александр поручил Чарторийскому составить проект манифеста на случай вступления Александра на престол и о возвещении его намерений в момент принятия им верховной власти.

Чарторийский упорно отказывался от этого странного и опасного поручения, но Александр и тогда сумел настоять на своем. Чарторийский, скрепя сердце, сочинил проект манифеста.

«Я не знаю, что случилось с этой бумагой», – пишет Чарторийский. – «Я полагаю, что Александр никому не показал ее; он никогда более не заговаривал о ней со мною. Надеюсь,

что он сжег ее, поняв безрассудность документа, в коей сам я ни минуты не сомневался, когда приступил к его изложению».

К началу царствования Александра I относится и его стычка с министром юстиции Державиным. 60-летний поэт, давно прославившийся не только в России, но и в Европе, искусившийся в службе при Екатерине, сумевший ладить даже с Павлом, услышал от молодого царя такой окрик:

– Ты все хочешь учить, а я – самодержавный царь и хочу, чтобы было так, а не иначе!

Как это поразительно похоже на вильгельмовское «*sic volo, sic jubeo*». Выходки Вильгельма II порою напоминают плагиат более ранних выходок Александра I. Между тем, Вильгельм страдал избытком волевых импульсов, Александр же считался «безвольным».

Князь Чарторийский, человек умный и проницательный, притом прекрасно знавший Александра, друг его юности, прямо говорит о нем:

«Император любит внешние формы свободы, как можно любить представление. Он любовался собою при внешнем виде либерального правления, потому что это льстило его тщеславию; но кроме формы и внешности он ничего не хотел и ничуть не был расположен терпеть, чтобы они обратились в действительность; одним словом, он охотно согласился бы на то, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли только его волю».

Это свидетельство близкого друга юности Александра, человека умного и проницательного, прекрасно знавшего Александра, кажется, довольно красноречиво, и можно только удивляться, как оно не помешало утверждению исторической легенды о безволии Александра.

В начале 1803 года произошло весьма знаменательное столкновение Александра с Сенатом, и тут Александр обнаружил такую непреклонность своей самодержавной воли, какую не всегда позволяли себе даже люди таких ярких волевых импульсов, как Бисмарк или Вильгельм II.

В начале 1803 года Сенат, по инициативе графа Северина Потоцкого, убежденного в искренности либеральных взглядов императора, вздумал воспользоваться предоставленным ему законом правом всеподданнейших представлений. Дело касалось обязательной 12-летней службы дворян унтер-офицерского звания, не дослужившихся до офицерства. Доклад по этому вопросу министра военно-сухопутных сил был высочайше утвержден 5-го декабря 1802 года; состоявшийся затем указ прошел в общем собрании Сената без всякого замечания и был отослан в военную коллегия для исполнения.

Вслед затем, 16-го января 1803 года, в общем собрании Сената прочитана была записка, содержащая в себе критику доклада военной коллегии, нарушившего права дворянства, которые Александр торжественно признал и удостоверил «коренным и непреложным законом». В заключение граф Потоцкий обращался к своим сотоварищам-сенаторам с увещанием не бояться злобы сильных и не колебаться, «когда священный глас должности зовет».

Поступок графа Потоцкого возбудил в обществе множество толков даже в провинции. В Москве мнение Потоцкого, как пишет Державин, «знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло с восхищением, так что в многочисленных собраниях клали его списки на голову и пили за здоровье графа Потоцкого, почитая его покровителем российского дворянства и защитником от угнетения, а глупейшие или подлеишие души не устыдились бюсты Державина (министра юстиции) и Вязмитинова (военного м-ра), яко злодеев, выставить на перекрестках, замарав их дерьмом для поругания, не проникая в то, что попущением молодого дворянства в праздность, негу и своеволие без службы подкапывались враги отечества под главную защиту государства».

Находя мнение Потоцкого возмутительным по отношению к самодержавной власти, Державин счел нужным испросить «высочайшую волю», вносить ли его в Сенат.

Император, как пишет Державин, отвечал резко:

– Что же? Мне не запретить мыслить, кто как хочет! – Пусть его подает в Сенат, пусть рассуждает.

Когда Державин заговорил о вреде таких мнений, /26/ особенно когда они подаются несвоевременно, государь сказал:

– Сенат это и рассудит, я не мешаюсь. Прикажете доложить!..

Итак, казалось бы, либерализм и чувство законности восторжествовали.

Но... слушание записки Потоцкого в Сенате вызвало бурное заседание и великое смятение: большинство присоединилось к Потоцкому и положило войти к государю с представлением о пересмотре министрами доклада Вязмитинова. Державин донес императору, что сенат весь против него; Александр так сильно встревожился, что побледнел, но разрешил министру действовать по закону.

По-видимому, опять победило чувство законности.

Но, когда генерал-прокурор дал согласительное предложение Сенату, которое не имело успеха и большинство все-таки осталось на стороне Потоцкого, Александр, узнав об этом, с негодованием сказал:

– Я им дам себя знать.

И действительно дал себя знать, ловко, дипломатично и решительно.

Задержав поступившее к нему дело до Фоминой и более о нем не упоминая, Александр, наконец, позволил, чтобы, на основании данного Сенату права, от него явилась депутация для объяснения дела. Ее составляли, со стороны большинства, граф А. С. Строганов и Д. П. Трошинский; единственный же представитель противоположного мнения был сопровождавший их генерал-прокурор, т. е. министр юстиции Державин.

«При вступлении в кабинет», – пишет Державин, – «хотя еще светло было, но неизвестно для чего гардины у окон были завешены и горели свечи. Великая везде была тишина и государь один дождался. Приняв весьма важно сам при письменном столе, и депутации (приказал) садиться, не говоря никому ни одного слова. Потом приказал Трошинскому читать бумаги, т. е. мнение Потоцкого, резолюцию Сената, предложение согласительное Державина и, наконец, последнее сенатское мнение. По выслушании встал, весьма сухо сказал, что он даст указ, и откланялся».

Указ действительно последовал 21 марта 1803 года. В нем было много пышных фраз по адресу дворянства и Сената, но по существу Сенату ставилось на вид, что он вмешался не в свое дело.

Этим афронтом Сенату все и кончилось.

При этом надо еще учитывать и то, что Александр побаивался дворянства, и побаивался его больше, чем «якобинцев», а впоследствии членов тайных обществ. Он отлично знал, что царевубийство было одной из неписаных привилегий дворянства, «якобинцы» же, как впоследствии декабристы, скорее ограничатся одними разговорами о царевубийстве.

При этом столкновении Александра I с Сенатом царю шел только 26 год, а в Сенате сидели убеленные сединами сановники трех царствований, первые столпы высшей бюрократии. И все-таки самодержавная воля молодого человека поставила на своем.

И при наличии таких документальных и непреложно установленных фактов находятся и маститые историки и ученые психиатры, серьезно толкующие об отсутствии воли у Александра I...

Так силен гипноз укоренившейся легенды...

Как же, однако, согласовать все эти проявления самодержавного пафоса с установившимся убеждением, что «дней Александровых прекрасное начало» было эпохой расцвета

самодержавного вольнолюбия и высочайшего либерализма, а только потом, под влиянием разных условий и обстоятельств, либерализм этот все более тускнел, затем совсем погас и сменился палочным аракчеевским капральством?

Не объясняется ли это тем, что таковы вообще были преобладающие свойства русского дворянского либерализма, тем, что русские усадебные или бюрократические «вольтерьянцы» и «якобинцы» всех XIV классов табели о рангах допускали либерализм, как некое пикантное и ни к чему не обязывающее «словесное распутство».

*А, глядишь, наш Мирабо
Старого Гаврилу,
За измятое жабо,
Хлещет в ус и в рыло...
А, глядишь, наш Лафайет,
Брут или Фабриций
Мужика под пресс кладет
Вместе с свекловицей...*

Александр был сыном своего времени, он впитал был его духом и запечатлен его чертами...

Впрочем, и «Мирабо», и прикосновенность «рыла», и либерализм, и реакционность — все эти смены течения были только рябью, которая бороздила поверхности русской жизни. Глубины подлинной толщии народной жизни это нисколько не отражало, и на нее почти никак не влияло.

Просветительная деятельность не достигала народных глубин, как хорошие книги, которые нарочно переводились и издавались по царскому соизволению и порою даже его иждивением, совершенно не существовали для неграмотной массы, как всякие «вольности» и «неотъемлемые права» человека и гражданина были безразличны для крепостного народа. Все это были даже не надстройки над подлинной социальной структурой, над экономическим фундаментом, а какие-то узоры и завитушки, не имевшие никакого конструктивного значения.

Этим и объясняется та «легкость необыкновенная» не только в мыслях, но и в поступках, с которой можно было переходить от конституции к экзекуции, от юстиции к полиции, от Сперанского к Аракчееву.

5. Еще доказательства воли

В начале того же 1803 года Александр еще раз убедительно продемонстрировал свою волю, смело идя наперекор и всему общественному мнению страны, насколько оно могло тогда выявляться, и всем окружавшим царя сотрудникам и, – что, казалось бы, должно было страшить его более всего, – чувству и мнению армии и гвардии.

В конце апреля Александр вызвал к себе из Грузина Аракчеева, а в мае того же года это исчадие павловского маньячества, этот всеми уже тогда ненавидимый живодер был восстановлен в своей прежней должности инспектора всей кавалерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона. Все пущенные в ход против этого назначения хлопоты, старания, интриги ни к чему не привели, и Александр, вопреки всем и всему, осуществил свою волю. Субъект, которого Александр, считая «мерзавцем», уверял в своей «верной дружбе» и которого современники и потомки в один голос называли «вреднейшим человеком в России», – стал, по твердой воле Александра, неизменным и бессменным, ближайшим и довереннейшим спутником всего четвертьвекового бурного и пестрого царствования.

С еще большей убедительностью разрушает легенду о безволии Александра I его отношение к Сперанскому.

Этот человек настойчивой воли и железной выдержки, начав службу еще при Павле, стал выдвигаться в первые годы царствования Александра.

Чтобы из рядового попovichа выдвинуться на самую вершину бюрократического Олимпа, ревниво оберегаемого для «своих» жадными представителями «первенствующего сословия», всей силой родства, связей, фаворитизма и протекции, надо было обладать волей и способностями, далеко выходящими из ряда.

Личное знакомство Александра со Сперанским началось только в 1806 г. Никто не умел так ясно, толково и убедительно писать казенные бумаги, как Сперанский, никто из окружающих царя не умел так строго и логично мыслить.

Замечательную характеристику Сперанского дает Л. Н. Толстой в «Войне и мире».

«Вся фигура Сперанского имела особенный тип, по которому сейчас можно было узнать его. Ни у кого из того общества, в котором жил князь Андрей, он не видал этого спокойствия, самоуверенности, неловких и тупых движений; ни у кого он не видал такого твердого и вместе мягкого взгляда полузакрытых и несколько влажных глаз, не видал такой твердости ничего не значущей улыбки, такого тонкого, ровного, тихого голоса и, главное, такой нежной белизны лица и особенно рук, несколько широких, но необыкновенно пухлых, нежных и белых».

При дальнейшем знакомстве со Сперанским кн. Андрей Волконский «видел в нем разумного, строго мыслящего, огромного ума человека, энергией и упорством достигшего власти и употребляющего ее только для блага России. Сперанский, в глазах кн. Андрея, был именно тот человек, разумно объясняющий все явления жизни, признающий значительным только то, что разумно, и ко всему умеющий прилагать мерило разумности, которым он сам так хотел быть. Все представлялось так просто, ясно в изложении Сперанского, что кн. Андрей невольно соглашался с ним во всем».

У него было все то, что доставало Александру: строго логический ум, исключительная трудоспособность, ясность и определенность и громадная настойчивость. Все, что было достигнуто в смысле упорядочения управления, было сделано Сперанским. Но и над ним тяготела якобы колеблющаяся, расплывчатая, а в сущности непреклонная воля «безвольного» царя, и Сперанскому удалось сделать лишь то небольшое, что угодно было допустить Александру.

Когда же Сперанский стал неудобен, когда Александр убедился, что реформаторские стремления Сперанского идут дальше царских намерений, он спокойно предал его. Александр, который никогда не считался со всеобщей ненавистью к Аракчееву, вдруг поддался подозрениям против Сперанского, которым сам ни минуты не верил, и отправил его в ссылку. И тут Александру удалось то, к чему он всегда стремился. Он сломил волю этого сильного человека и сделал его своим рабом до того, что Сперанский вернулся к нему другим человеком, человеком, который стал пресмыкаться перед Аракчеевым и написал апологию военным поселениям.

Не очень церемонился Александр и с друзьями юности своей, с членами «негласного комитета», с гр. Кочубеем и с кн. Адамом Чарторийским.

Отделавшись – и очень решительно – от гр. Никиты Панина, Александр передал управление внешними делами гр. В. П. Кочубею. Кочубей предпочитал дела внутреннего управления, и положение руководителя русской дипломатии ему ни мало не улыбалось, что он искренно и откровенно и высказывал. Но царь с этим совершенно не считался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.